

Александр Горбачев

**ПРИРОДА САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ В ПОЭМЕ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ПЕСНЯ ПРО ЦАРЯ
ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА
И УДАЛОГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА»**

Есть основания утверждать, что М. Ю. Лермонтов отрицательно относился к самодержавию. Свидетельств почтительного отношения великого поэта к царской власти в лермонтоведении почти нет, зато утверждений противоположного свойства предостаточно. И не удивительно. Правивший в лермонтовскую эпоху Николай I оберегал свой престол от малейшей возможности повторения декабристских событий. Полицейский надзор

и преследование инакомыслия были бросавшимися в глаза приметам тогдашней социальной действительности.

Живя при самодержавной власти, поэт не мог не задумываться о ее природе. Однако его рассуждения на эту тему не так однозначны, как может показаться на первый взгляд, если исходить только из антииталианских убеждений Лермонтова. Свои противоречивые размышления он перенес на страницы поэмы «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», написанной в 1837 году.

Называется поэма Лермонтова по-старинному, вразтяжку. Очевидно, для того, чтобы можно было почувствовать весомость сказанного. Царской власти не пристало быть суетной. Пространный заголовок неплохо отражает эту ее особенность.

Уже в XIX веке возник обычай пользоваться сокращенным вариантом названия лермонтовской поэмы. Но как сокращать? Традиция велит произнести начальные слова, после которых ставится многоточие. Однако в нашем случае выйдет: «Песня про царя Ивана Васильевича...», а где главный герой? – выпал, оказался неупомянутым. На фоне столь прискорбного упущения удалой купец может позавидовать тени отца Гамлета, которая не была обделена правом голоса, несмотря на свою нематериальность.

К счастью, Калашников – не бесплотный дух, и его образ место в названии получил. Многоточие было смещено с края в середину и получилось: «Песня про... купца Калашникова» (иногда и эпитет уцелевал). Часто, для простоты, многоточие опускали, особенно в советское время. Это было и идеологически оправдано. Какие цари? – самодержавие давно свергнуто, и Лермонтов, согласно официальной доктрине, не питал к нему верноподданнических чувств.

Так и обходились. Лишь в солидных научных исследованиях, и то не всегда, предпочитали не искажать прихотливую авторскую волю. Ту самую, согласно которой на первом месте в названии поэмы упоминается царь, на втором – царев опричник, а купец Калашников, хотя и удалой, отправлен в конец списка. Почему Лермонтов расположил своих героев в таком порядке? Ответ на этот вопрос требует выяснения.

Прежде всего следует отметить, что Лермонтов в своей поэме не выходит за рамки социоцентризма. Он фиксирует расстановку сил в социуме, жестко иерархизированном на основе политической, точнее, самодержавной, тиранической власти, принимая такое положение как неизбежность. Изображение плачевных последствий немирного сосуществования лермонтовских персонажей с этой властью ставит под сомнение ее уместность, но не представляет альтернативы ей. В поэме нет мыслящего героя, все персонажи относятся к обывательскому антропологическому типу, да и авторская позиция не достигает философской вершины, пребывая на уровне неконформистской идеологии, что обусловило качественный уро-

вень произведения, высокий, однако не высший даже для лермонтовского творчества.

В поэме три главы. В первой из них, в полном соответствии с названием, разговор заходит об Иване Грозном. Начинается эта глава с цветистого комплимента самодержцу, построенного на фольклорном параллелизме:

*Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич [1, 398].*

Лермонтов устранился от прямого выражения собственной точки зрения на царскую власть. Повествование в поэме ведется от имени гуслиаров и стилизовано под фольклор. Это позволяет автору выстроить несколько уровней восприятия описываемых событий. С одной стороны, здесь представлено народное мнение. Но его оглашают гуслиары, в чьем бескорыстии и непредвзятости поэт заставляет нас усомниться. Ведь еще в зачине поэмы сказано, что боярин Матвей Ромодановский поднес им чарку «меду пенного», а его супруга – «*полотенце новое, шелком шитое*» [1, 397]. Потом последовало щедрое трехдневное угощение. Как не спеть то, что от тебя желают услышать?

Таким образом, в поэме звучит голос народа, приукрашенный «заинтересованным» гуслиарским пением. Через эту двуслойность проступает позиция Лермонтова: тираническая власть правды не знает и не хочет знать. Ей нравится слышать только то, что способствует ее поддержанию и укреплению. Эта особенность самодержавной власти нередко вынуждает подданных лгать ей, а приближенным к трону открывает возможность использовать ложь с выгодой для себя.

Так и поступает Кирибеевич, хорошо изучивший нрав хозяина.

Во время пира Иван Васильевич заметил, что его любимый опричник задумался, опустил «*в землю очи темные*» [1, 398]. Что первое могло прийти в голову самодержцу, который по-ястребиному зорко вглядывается в лица пирующих? Лермонтов не строит иллюзий: конечно же, царь прежде всего заботится о сохранности своей власти. Поэтому Иван Грозный окликает Кирибеевича: «*Аль ты думу затаил нечестивую? Али славе нашей завидуешь?*» [1, 398]. И на всякий случай припугивает его: «*Али служба тебе честная прискучила?*» [1, 398], шантажируя подданного тем, чего боится сам: утратой власти.

Приводя эту сцену, автор поэмы подчеркивает убожество царского положения. Столько власти в руках, а ежеминутно приходится (и нравится, что характерно!) подозревать, наблюдать, выслеживать, не затаилась ли где измена. А подручным царя и задуматься грешно. Не положено это, если находишься у

трона. Ведь за недумающую башку тому же Кирибеевичу пожалованы деньги из казны, «*парчевой кафтан*», «*шапка соболиная*», «*сабля закаленная*» [1, 399] да конь быstroногий. Что еще нужно, чтобы считать себя человеком?

Ничего, в общем-то, и не надо. Только быть всецело в царской власти тошно и для опричника. Он уже успел войти во вкус: ему хорошо знакомо сладострастиее полноправного распоряжения чужими судьбами. Поэтому Кирибеевичу захотелось сотворить что-нибудь «для души», т. е. в обход царской воли. Почувствовав такие позывы, опричник осмелел и решился поискать благосклонности у чужой жены. На пиру его не смутил гневный окрик Ивана Васильевича и упрек хозяина:

*Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радости гнушатся...* [1, 399].

Поведав государю о своей кручине, Кирибеевич усыпил его бдительность, благодаря чему лукаво не упомянул о замужестве Алены Дмитриевны. По православным канонам, прописанным в «Домострое», посягательство на чужую венчанную жену – тяжкий грех. А у Ивана Грозного был свой резон следить за тем, чтобы его приближенные не гневил бога.

Православное понимание самодержавной власти исходит из того, что царь – божий помазанник. Поэтому нарушение божественных установлений государь может посчитать бунтом против себя. Вот на какую тонкую кладку ступил Кирибеевич. И повел себя инфантильно, как и полагается рабу, пусть и обнаглевшему. Получив царское благословение на брак с Аленой Дмитриевной, опричник постарался «забыть» и о ее замужестве, и о своей лжи Ивану Васильевичу. Восторжествовала холопская мораль: царь разрешил – и совесть свободна.

Лермонтов показывает, что в социоцентрическом обществе никто не огражден от жесткого конфликта с политической властью. Опасна приближенность к трону, но и удаленность от него сулит немалые коллизии. Ситуация, в которой оказался Степан Парамонович Калашников, такова, что и врагу не пожелаешь. Честь жены поругана, однако отомстить обидчику непросто, поскольку он – представитель самодержавной власти. Калашникову, как православному христианину, известно, что опричник поставлен царем, а царь – богом. Отомстив по горячим следам Кирибеевичу, Степан Парамонович задел бы вертикаль, которая образовывала основу русской общественной жизни. Личная обида бывает несмываемой, но противопоставлять крещеному миру свое «я» – гордыня невообразимая. Калашников не может позволить себе выйти за рамки православных предписаний.

Гамлет не спешил мстить за убийство отца по ряду причин. В том числе и потому, что смертельными врагами принца датского оказались его ближайшие родственники.

Калашников не торопится воздать Кирибеевичу за содеянное, в сущности, по схожей причине. Просто его восприятие родства гораздо шире и распространяется на православную соборность. Кроме того, Степан Парамонович и сам имел возможность оценить достоинства домостроевской иерархии. Ведь его воле беспрекословно подчиняются жена и младшие братья.

Что же в таком случае помогло удалому купцу осуществить возмездие? Все то же – царская воля. Разрешенные Иваном Васильевичем кулачные бои давали шанс расправиться с Кирибеевичем, не бросая явного вызова самодержавной власти (а где она, там хитрость, не устает напоминать Лермонтов).

Решив убить опричника, Калашников позволяет себе также покривить душой перед царем. Правда, перешагнуть через бога не в его силах. Поэтому отважиться на осуществление мести Степан Парамонович смог лишь после того, как в его представлении была разорвана связь между царской властью и всевышним.

Лермонтов показывает, как нелегко и постепенно давался его герою этот разрыв. Выйдя на кулачный поединок, Калашников заявляет, что жил *«по закону господнему»* [1, 407], который нарушил Кирибеевич. Но и обличив противника, Степан Парамонович первым не бьет. Как ни парадоксально, победу ему помог одержать Кирибеевич, чей удар пришелся в грудь купца по кресту *«со святыми мощами из Киева»* [1, 408]. Не подставился ли Калашников умышленно под этот удар, желая испытать (заодно и продемонстрировать зрителям), насколько прочны религиозные убеждения соперника? Ведь грудь – одно из самых защищенных мест у кулачного бойца, ее и новичку несложно прикрыть. Не бей по кресту, если ты православный, а не *«бусурманский сын»* [1, 407], – вот позиция купца, рискованная, однако занятая ради обоснования права на мщение.

Кирибеевич ударил, и Калашников воспринял это как еще одно, притом публичное, доказательство безбожности самодержавной власти, что окончательно привело его душу в состояние праведного гнева. Теперь Степан Парамонович абсолютно убежден в своем моральном праве стать мстителем не только за личную обиду, но и за весь православный мир. *«Постою за правду до последнея!»* [1, 408] – решает купец, дважды на собственном опыте получивший возможность усомниться в том, что царская власть – от бога. За личную правду, заметим, герой хотел, и все никак не мог решиться постоять, зато за общую вступился сразу.

Покарав опричника, Калашников обрек себя на казнь. Иван Грозный счел за лучшее отрубить голову, в которой погостило сомнение в божественной природе царской власти. Степану Парамоновичу было воздано не столько за убийство царского любимца, сколько за то, что он пожелал рассказать всю правду богу, обойдя ею государя. А чтобы окружающие не задумались и не начали делать ненужные выводы, Иван Васильевич решил

поразить их воображение своей щедростью да милостью. И пообещал дать жене и детям Калашникова казенных денег, а его братьям позволил «*торговать безданно, беспошлинно*» [1, 409]. Такова лукавая мудрость царская.

Для Лермонтова логика политической власти не могла не казаться примитивной, рассчитанной на простые души и пустые головы. Он также видел, что при Николае I сущность самодержавия осталась той же, что и в эпоху Ивана Грозного. Но вера предков велела обожествлять государя. И поэт выстраивал привычную для других и тягостную для себя иерархию: «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лермонтов, М. Ю.* Полн. собр. стихотворений: в 2 т. / М. Ю. Лермонтов. – Л., 1989. – Т. 2.